

Д. Б. Шелов

БОСПОР И ТАНАИС В III—I вв. до н. э.

История Танаиса, одного из наиболее интересных городов Северного Причерноморья античной эпохи, главного торгового и производственного центра в Приазовье и Подонье, известна нам очень плохо. Античная литературная традиция сохранила только два факта из этой истории: город был основан боспорскими греками и разрушен боспорским царем Полемоном за неповиновение¹. Эпиграфические памятники, найденные на месте древнего Танаиса, на Недвиговском городище, засвидетельствовали подчинение Танаиса власти боспорских царей в первые века н. э.² Вот и все, что мы знаем об истории города из письменных источников.

Археологические материалы, касающиеся Танаиса, чрезвычайно обильны, особенно много их получено в результате систематических раскопок города, ведущихся с 1955 г. Нижне-Донской археологической экспедицией Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения³. Эти материалы освещают самые различные стороны жизни Танаиса, его экономику, культуру и этническую историю, но они, естественно, не могут сколько-нибудь полно отразить явления политической истории города. Тем не менее сопоставление вновь полученных археологических материалов со скудными сведениями письменных источников позволяет прийти к некоторым выводам и относительно этой истории.

Прежде всего, сейчас можно считать уже установленным, что Танаис был основан на месте современного хутора Недвиговка на правом рукаве дельты Дона в первой четверти III в. до н. э. Эта дата возникновения Танаиса надежно засвидетельствована находками на Недвиговском городище монет⁴ и хорошо датированных керамических материалов этого времени. Окончательно решен в отрицательном смысле вопрос о существовании двух разновременных поселений, называвшихся Танаисом, о перенесении города с одного места на другое. Теория двух Танаисов возникла из-за ошибки первого исследователя Недвиговского городища П. М. Леонтьева в датировке некоторых материалов и господствовала в науке более ста лет. Теперь существование эллинистического Танаиса на месте Недвиговского городища подтверждено не только множеством самых разнообразных ве-

¹ Страбо, XI, 2, 3.

² Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 93 слл.

³ Краткие итоги раскопок подведены в статьях: Д. Б. Шелов, Археологические исследования Танаиса, «Египет», IV, 1965, 55 слл.; о н ж е, Итоги археологического изучения Танаиса, КСИА, вып. 100, 1965, стр. 79 слл.

⁴ Д. Б. Шелов, Монеты из раскопок Танаиса 1955—1964 гг., ИЭ, VI, 1966, стр. 63.

щественных находок, относящихся к III—I вв. до н. э., среди которых особенно показательны керамические клейма Родоса, Коса, Синопы, Херсонеса, обломки рельефных «мегарских» чашек, поздней чернолаковой и другой эллинистической керамики, но и открытием жилых и хозяйственных построек и целых городских кварталов III—I вв. до н. э., а также современных им оборонительных сооружений⁵ и многих погребальных комплексов в грунтовом некрополе⁶.

Новое истолкование получил в результате раскопок и спорный вопрос о разрушении Танаиса боспорским царем Полемоном. Как известно, долгое время считалось, что разрушение Танаиса Полемоном, засвидетельствованное Страбоном, было таким полным, что город после этого был даже восстановлен не на прежнем, а на новом месте. С. А. Жебелев, напротив, выдвинул предположение, что Полемон вообще не производил никакого разрушения города, ограничившись лишь грабежом его⁷. Раскопки показали, что обе эти крайние точки зрения ошибочны. В конце I в. до н. э., т. е. как раз во время царствования на Боспоре Полемона I, имело место частичное разрушение города во время каких-то военных действий, после чего пришел в запустение весь западный район Танаиса и были произведены значительные перестройки в других местах. Особенно сильно были разрушены оборонительные сооружения, вероятно, чтобы лишить непокорный город возможности в дальнейшем сопротивляться власти боспорского царя. Но полемоновское разрушение Танаиса вовсе не имело того тотального характера, какой ему приписывали новейшие исследователи; и после этого разрушения город продолжал существовать, а материалы некрополя свидетельствуют даже об известном подъеме благосостояния и культуры Танаиса в I в. н. э.

Два упомянутых Страбоном события — основание Танаиса в первой четверти III в. до н. э. и разрушение его карательной экспедицией Полемона в конце I в. до н. э. — являются естественными границами первого периода истории города, периода, который условно может быть назван эллинистическим или дополемоновским. О конкретных событиях истории города в течение этого почти трехвекового отрезка времени мы ничего не знаем, молчат наши источники и о политическом статусе города и об его отношении к Боспору.

Несмотря на это полное отсутствие конкретных сведений о ранней истории города, в современной научной литературе сложилось довольно твердое представление об основных моментах этой истории. Согласно этому представлению, Танаис с самого своего возникновения входил в состав Боспорского государства в качестве опорного пункта Спартокидов на крайнем северо-востоке их владений. Город временами проявлял некоторые сепаратистские тенденции и отказывался повиноваться боспорским правителям, когда имел для этого возможность, т. е. когда Боспор был ослаблен. Боспорские цари старались подавить это стремление Танаиса к независимости и крепко держать город в своих руках. В этом особенно преуспели цари I в. до н. э. — Фарнак, Асандр и Полемон. Последний, подавляя очередной мятеж танаисцев, подверг город разграблению или разрушению.

С большей или меньшей степенью уверенности такая картина рисуется в большинстве работ по истории Боспора, хотя некоторые детали ее варьируются. Так, С. А. Жебелев считает, что отпадение Танаиса от Боспора

⁵ А. И. Болтунова, Ранний Танаис (III—II вв. до н. э.), сб. «Археологические раскопки на Дону», Ростов-на-Дону, 1962, стр. 62 слл.

⁶ Д. Б. Шелов, Некрополь Танаиса, М., 1961, стр. 47 слл.

⁷ С. А. Жебелев, Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 37 слл. = СП, стр. 195 слл.

могло произойти уже во второй половине III в. до н. э.⁸, тогда как В. Ф. Гайдукевич относит выход Танаиса из подчинения Спартокидам только ко второй половине следующего столетия⁹.

Указанному взгляду на историю Танаиса эллинистического времени нельзя отказать в логичности. Но беда в том, что у нас нет никаких доказательств подчинения Танаиса в III—I вв. до н. э. царям Боспора. Более того, есть некоторые основания полагать, что этот город в эллинистическую эпоху сохранял независимость по отношению к своей метрополии.

Уверенность в том, что Танаис должен был входить во владения Боспора, базируется на двух замечаниях Страбона: что он был основан боспорскими греками и что боспорские правители часто владели племенами вплоть до Танаиса. Оба эти свидетельства, однако, не могут еще доказывать принадлежность Танаиса Боспору.

О возникновении Танаиса мы не знаем ничего, кроме того, что он был основан боспорцами. Из упоминания Плинием пантикапейцев, «владевших» областью устья Танаиса¹⁰, как будто можно сделать вывод о том, что основание города в этом районе было делом рук именно пантикапейцев. В. Ф. Гайдукевич, например, полагает, что пантикапейцы составляли основное ядро колонистов и что к ним могли присоединиться жители других городов Боспора¹¹. Однако нам представляется, что вопрос этот не решается так просто. Прежде всего, вряд ли можно безоговорочно полагаться на примененную здесь Плинием терминологию: он мог и всех боспорцев назвать по их столице — пантикапейцами, не имея в виду специально жителей города Пантикапея. Главное же — весьма сомнительно, чтобы Плиний, говоря о том, что пантикапейцы «владели» устьями Танаиса, имел в виду город Танаис. Упомянув Танаис, он перечисляет затем тех, кто, согласно его источникам, имел какое-то влияние в этом районе до основания города. Последними в этом перечне названы пантикапейцы. Нам представляется наиболее вероятным, что упоминание пантикапейцев надо связывать с той ролью, которую играли боспорские греки и, может быть, прежде всего пантикапейцы в низовьях Дона в период существования Елисаветовского поселения. В этой связи следует напомнить о том, что материалы боспорского и, в частности, пантикапейского происхождения составляют очень значительный процент среди керамических находок на Елисаветовском городище¹². Во всяком случае, видеть в упоминании Плинием пантикапейцев свидетельство их руководящей роли в основании Танаиса у нас нет оснований. В дальнейшей истории Танаиса какие-либо связи именно с Пантикапеем не улавливаются, скорее, наоборот, может быть отмечена более тесная связь его с азиатской стороной Боспора.

С. А. Жебелев понимает замечание Страбона об основании Танаиса боспорцами «в том смысле, что боспорское правительство, очевидно, в лице первых же Спартокидов... создало в Танаисе правильно организованный *ἐμπόριον*, служивший, как Страбон указывает непосредственно далее, общим местом товарообмена для азиатских и европейских кочевников,

⁸ Жебелев, Боспорские этюды, стр. 42 сл. = СП, стр. 200 сл.

⁹ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 229 сл.; он же, Боспор и Танаис в доримский период, сб. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.—Л., 1963, стр. 302 сл.

¹⁰ P l i n., NH, VI, 20.

¹¹ Гайдукевич, Боспор и Танаис..., стр. 302; ср. М. И. Ростовцев, Эллинизм и царство на юге России, Пг., 1918, стр. 78; М. R o s t o v t z e f f, Iranians and Greeks in South Russia, Oxf., 1922, стр. 85.

¹² Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г., ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 144 сл.; И. Б. Зеест, Керамическая тара Елисаветовского городища и его курганного некрополя, МИА, 49, 1951, стр. 123 сл.

а также для приезжающих по Азовскому морю из Боспорского царства греков»¹³. Таким образом, во-первых, основание Танаиса рассматривается им как государственное мероприятие, проведенное Спартокидами, а во-вторых, сам Танаис в его глазах является лишь эмпорием, задачей которого было обслуживание интересов боспорской торговли. Естественно в таком случае и подчинение Танаиса Спартокидам.

Примерно так же смотрит на вещи и В. Ф. Гайдукевич, с той лишь разницей, что он относит основание Танаиса не ко времени «первых Спартокидов» (С. А. Жебелев считал Елисаветовское поселение ранним Танаисом), а к III в. до н. э.¹⁴.

Следует отметить, что такое понимание процесса создания Танаиса как будто бы оправдывается общей экономической ситуацией на Боспоре в первой четверти III в. до н. э. Те экономические процессы, которые в это время там протекали, действительно могли толкать Спартокидов на попытку освоения новых рынков путем основания колонии в устье Танаиса. Инициатива Спартокидов или участие государства в выводе колонии в устье Дона возможны, хотя и не засвидетельствованы. Столь же возможно и основание Танаиса группой частных боспорских граждан, например купцов, не имевших никаких официальных полномочий и действовавших на свой страх и риск¹⁵. И создание города кем-то из боспорцев вовсе не обязательно должно предполагать его дальнейшее подчинение боспорским царям и вхождение в состав Боспорской державы: независимое и самостоятельное развитие вновь созданного города было вполне в традициях греческой колонизации. Во всяком случае, у нас нет оснований для того, чтобы в самом факте создания Танаиса боспорцами видеть доказательство его последующей принадлежности Боспору.

Что касается второго замечания Страбона, то его следует рассмотреть подробнее. Древний географ сообщает следующее¹⁶: *Τῶν τε συμπάντων Μαιωτῶν τῶν Ἀσιατῶν οἱ μὲν ἐπήρουν τῶν τῷ ἐμπόριον ἔχόντων τὸ ἐν τῷ Ταναΐδι, οἱ δὲ τῶν Βοσπορανῶν τότε δ' ἀφίσταντο ἄλλοτ' ἄλλοι. πολλὰκις δ' οἱ τῶν Βοσπορανῶν ἡγεμόνες καὶ τὰ μὲχρι τοῦ Ταναΐδος κατήγον, καὶ μάλιστα οἱ ὕστατοι, Φαρνάκης καὶ Ἄσχυδρος καὶ Πολέμων*. Новейший перевод Г. А. Стратановского передает этот отрывок следующим образом: «Все азиатские меоты были подвластны частью владетелям торгового центра на Танаисе, частью же — боспоранам. Однако то те, то другие поднимали восстания против своих владетелей. Нередко правители боспоранов захватывали область вплоть до Танаиса, в особенности же последние их владыки: Фарнак, Асандр и Полемон»¹⁷. Более точно интересующее нас место переведено П. И. Прозоровым: «Из всех азиатских меотов одни подчинялись владетелям торжища на Танаиде, другие — боспорянам, но иногда то один, то другой народ отпадали [от них]. Нередко боспорские повелители владели и [землями] до Танаиса, в особенности последние — Фарнак, Асандр и Полемон»¹⁸. Очень близкий перевод дают и В. Ф. Гайдукевич и Т. Н. Книпович¹⁹. Во всех этих переводах однако, совершенно напрасно восстанавливаются слова «область» или «зем

¹³ Жебелев, Боспорские этюды, стр. 41 = СП, стр. 198 сл.

¹⁴ Гайдукевич, Боспор и Танаис... стр. 302.

¹⁵ И. С. Каменецкий полагает даже, что Танаис был основан какими-то политическими беглецами с Боспора или во всяком случае группой лиц, настроенных оппозиционно по отношению к Боспору (И. С. Каменецкий, Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э., Автореф. дисс., М., 1965, стр. 19). Но все это только догадки, не имеющие никаких оснований в наших источниках.

¹⁶ Страбон, XI, 2, 11.

¹⁷ Страбон, География, М., 1964, стр. 470.

¹⁸ SC, I, стр. 133 = ВДИ, 1947, № 4, стр. 213.

¹⁹ Гайдукевич, Боспор и Танаис..., стр. 302; Книпович, Танаис. стр. 100.

ли» (у В. Ф. Гайдукевича и Т. Н. Книпович — «территория») как определение того, чем владели боспорские правители. У Страбона речь идет о племенах, и последнюю фразу этого отрывка надо понимать так, что боспорские повелители часто владычествовали и над племенами, обитавшими от Синдикы до Танаиса. При этом под Танаисом тут подразумевается, несомненно, река, а не город, что ясно и из первого его упоминания в начале отрывка. Весь этот текст находится среди описания земель и племен Азиатского Боспора и говорит только о подчинении Боспору меотских племен азиатского побережья Меотиды. Никакого отношения к городу Танаису, находившемуся уже в Европе, он не имеет. Поэтому вызывает недоумение замечание В. Ф. Гайдукевича о том, что, согласно Страбону, «были и такие периоды, когда Боспору принадлежала вся восточная сторона Азовского моря до реки Танаис, включая, очевидно, и город Танаис»²⁰. Очевидно как раз обратное, — если речь идет о восточном, азиатском побережье Меотиды до реки Танаис, то город Танаис не может быть включен в эту территорию, так как он находится на западном, европейском берегу реки. Поэтому и свидетельство Страбона не может служить доказательством подчинения Танаиса боспорским правителям в какое бы то ни было время.

Следует наконец указать на то, что Страбон вообще упорно исключает Танаис, низовья Дона и северную часть восточного побережья Азовского моря из понятия «Боспор». Так, он упоминает о купцах, приплывающих в Танаис по озеру (т. е. по Меотиде) ἐκ τοῦ Βοσπόρου (XI, 2, 3). Еще яснее это проявляется в отрывке, где, характеризуя нравы приазовских меотов, он говорит о большей дикости тех из них, которые расположены ближе к Танаису, и о сравнительной кротости племен, прилегающих к Боспору (τὰ συνάπτοντα τῷ Βοσπόρῳ) (XI, 2, 4). При этом из всего словопользования Страбона очевидно, что древний географ под Боспором разумет здесь не собственно пролив Боспор Киммерийский, а всю совокупность территорий, понимаемых обычно под этим названием.

Таким образом оказывается, что у нас нет никаких письменных данных, свидетельствующих о том, что Танаис подчинялся Спартокидам или входил в состав их державы. Зато имеется совершенно ясное свидетельство противоположного свойства. В приведенном отрывке Страбона город Танаис, τὸ ἐμπόριον ἐν τῷ Τανάϊδι, противопоставлен Боспору, поскольку сказано, что одни меоты подчинялись владельцам этого эмпория, а другие боспорцам²¹. Ясно, что подчинение Танаису не означало подчинения Боспору и что Танаис, следовательно, был совершенно независимой от Боспора силой. Сопоставление Танаиса и Боспора, как двух величин одного порядка, еще усиливается следующей фразой, в которой говорится, что по временам то одни, то другие меоты отпадали (от Боспора или от Танаиса). В тексте Страбона не сказано, от кого отпадали эти племена, но весь контекст заставляет подразумевать здесь в равной мере и Боспор и Танаис; во всяком случае, нельзя переводить эту фразу так, как сделал это С. А. Жебелев: «случалось, что иногда то одно, то другое племя меотов отпадало от боспорцев»²².

²⁰ Г а й д у к е в и ч, Боспор и Танаис..., стр. 303. В. Ф. Гайдукевич следует здесь, видимо, за С. А. Жебелевым, который столь же удивительным образом считает, что если боспорские правители владели землями до реки Танаис, то, «следовательно, и самим эмпорием в Танаисе» (Боспорские этюды, стр. 42 = СП, стр. 200).

²¹ Это свидетельство было замечено еще И. А. Стемпковским, который сделал из него совершенно естественный вывод, что Танаис «некоторым образом имел независимое от Боспорского государства правление» (Два письма Стемпковского к Блаرامбергу о местоположении древнего города Танаиса, «Прописки», IV, М., 1854, стр. 387, прим. 1).

²² Ж е б е л е в, Боспорские этюды, стр. 41 = СП, стр. 199 сл.

Нельзя сказать, чтобы это противопоставление Танаиса Боспору осталось незамеченным сторонниками той точки зрения, что Танаис все же входил во владения Боспора. Но оно объяснялось тем, что в какой-то период Танаис временно отпал от Боспора, тогда-то и могла подчиняться ему часть меотов²³. Между тем для такого временного ограничения в тексте Страбона нет никаких оснований. Наоборот, весь текст говорит о том, что отмечаемое Страбоном положение было не исключением, а постоянным модусом меотских племен восточного побережья Азовского моря в эпоху Спартокидов. Это можно заключить и еще из одного места у Страбона. Рассказывая о Пантикапее, он добавляет: «в течение долгого времени этот город и все соседние поселения вокруг устья Меотиды по обе стороны (*καὶ αἱ πλησιόχωροι κτηοικίαι παρὰ αἱ περὶ τὸ στόμα τῆς Μαλιώτιδος*) управлялись династами вроде Левкона, Сатира, Перисада, пока Перисад не передал свою власть Митридату»²⁴. Речь здесь идет, как видим, лишь об устье Меотиды, т. е. о Боспоре Киммерийском и прилегающих землях, но не о всем восточном побережье Азовского моря, о котором неизбежно должен был бы сказать Страбон, если бы у него были сведения о том, что Спартокиды обычно владели землями до Танаиса.

Все изложенное приводит нас к выводу, что нарративные источники не могут свидетельствовать о принадлежности Танаиса Боспорскому государству в допалеолитическое время. Наоборот, если можно опираться на данные античной традиции, то они скорее говорят против такой принадлежности. Но, видимо, слишком краткие и не очень отчетливые упоминания Танаиса античными авторами, которые можно толковать по-разному, недостаточны сами по себе для уверенного определения правового статуса Танаиса. Они позволяют лишь высказать те предположения, которые только что были приведены. Для подтверждения этих предположений следует привлечь иные источники — эпиграфические и археологические.

Наиболее надежным было бы свидетельство танаисских надписей. Но, как известно, в Танаисе полностью отсутствуют памятники лапидарной эпиграфики, предшествующие I веку н. э. Тот факт, что до сих пор, несмотря на очень значительный объем проведенных на Недвиговском городище работ, не было найдено ни одного обломка надписи, который можно было бы отнести к допалеолитическому времени, заставляет думать, что и в дальнейшем такие надписи найдены не будут, что в Танаисе обычаем высекать надписи на камне возник уже только в первые века н. э. В пользу этого же нерадостного вывода говорит и полное отсутствие надгробных надписей на танаисском некрополе. Памятники боспорской лапидарной эпиграфики, найденные в разных местах территории Боспора и современные первому периоду жизни Танаиса, никогда не упоминают ни этого города, ни области Нижнего Дона вообще. Впрочем само это молчание, как нам кажется, может кое о чем говорить.

Известно, что титулатура Спартокидов IV и первой половины III в. до н. э. включала в себя перечисление подвластных им племен. По мере распространения власти боспорских царей на новые племена, названия этих племен присоединялись к перечню подданных Боспорской державы²⁵. Обращает на себя внимание отсутствие в этом перечне племен, обитавших в северной части восточного побережья Меотиды, в частности язаматов, а также танаитов, живших в районе Танаиса и тесно с ним связанных. Танаис был основан боспорцами в царствование Спартока III или Перисада II. Во всяком случае, в правление последнего царя город уже существовал.

²³ Г а й д у к е в и ч, Боспор и Танаис..., стр. 302 сл.

²⁴ S t r a b o, VII, 4, 4.

²⁵ Ж е б е л е в, Боспорские этюды, стр. 16—19 = СП, стр. 170—174; В. П. Ш и л о в, О расселении меотских племен, СА, XIV, 1950, стр. 105—108.

Если придерживаться обычной точки зрения, согласно которой боспорские правители первой половины III в. до н. э. прочно удерживали за собой Танаис, то трудно думать, чтобы ближайшие к Танаису племена, в первую очередь танаиты, оказались бы вне сферы боспорской администрации и не были бы подчинены Боспору хотя бы формально. Между тем в полном титуле Перисада II нет никакого упоминания об этих племенах, в нем повторяется перечень племен, фигурировавших уже в титулатуре Перисада I: синды, все меоты и фатеи²⁶. Предполагать, что танаиты и северные меоты не выделяются в титулатуре специально, но подразумеваются в формуле $\kappa\alpha\iota$ Μεοτῶν πόντων , вряд ли возможно. Вероятно, совершенно прав В. П. Широв, который видит в этом выражении сокращенную формулу более ранних надписей Левкона I и Перисада I: «царь торетов, дандариев и псессов»²⁷. Если к перечисленным племенам добавить еще досхов, упомянутых в одной из надписей времени Перисада I²⁸, мы получим полный список меотских племен, подчиненных Боспору в эпоху его расцвета. Все эти племена обитали в нижнем течении реки Кубани, и северная граница их расселения, видимо, не продвигалась далее Кирпилей²⁹. Во всяком случае, не может быть и речи о действительном подчинении боспорским царям «всех меотов», как горделиво значится в царской титулатуре³⁰.

Невозможно себе представить, чтобы боспорские цари, если бы они в это время твердой ногой стояли в Северном Приазовье и Нижнем Подонье, владея там Танаисом и подчинив себе соседние племена, отказались бы от упоминания об этом в своей титулатуре. Более правдоподобно предположение, что племена этого района не подчинялись Боспору, тем более, что это соответствует и рассмотренному выше свидетельству Страбона. Можно полагать, что и Танаис, хотя он и возник по инициативе боспорских греков, был в это время в политическом отношении от Боспора независим.

Изложенные соображения подкрепляются и тем фактом, что позднее Аспург, восстановивший на время старую систему титулатуры и несомненно уже владевший Танаисом и Нижним Подоньем, счел нужным упомянуть в своем титуле подвластных ему танаитов и еще одно племя — тарпетов, называемых и Страбоном в числе меотских племен³¹ и обитавших, по-видимому, где-то к северу от других известных нам меотов. Мы знаем титул Аспурга из надписи начальника острова Менестрата, сына Менестрата³². Этот же титул, видимо, может быть восстановлен и на обломке архитрава какого-то здания, посвященного Аспургу³³.

Если бы боспорские правители I в. до н. э. и I в. н. э. имели обыкновение пользоваться такой же системой титулатуры, какую употребляли Спартокиды IV — начала III в. и какую использовал Аспург, мы, вероятно, могли бы точнее определить время перехода Нижнего Подонья и Танаиса под власть Боспора. Пока же приходится только констатировать, что и в боспорской эпиграфике нет никаких данных о вхождении Танаиса в состав Боспорского государства уже во времена Спартокидов.

Археологические материалы, естественно, не могут дать прямого ответа на вопрос о политических связях Танаиса и Боспора, но если все же

²⁶ IOSPE, II, 15 = КБН, 25; ср. IOSPE, II, 346 = КБН, 1015.

²⁷ Широв, ук. соч., стр. 108.

²⁸ IOSPE, II, 347 = КБН, 972.

²⁹ Широв, ук. соч.

³⁰ Жебелев, Боспорские этюды, стр. 18 сл. = СП, стр. 173 сл.; Широв, ук. соч., стр. 108.

³¹ Страбон, XI, 2, 11.

³² IOSPE, II, 36 = КБН, 40.

³³ В. Д. Блаватский, Раскопки Паитикаея (1948), КСНИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 26 сл.; он же, Строительное дело Паитикаея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг., МИА, 56, 1957, стр. 68 сл.; КБН, 39.

привлечь те косвенные показания, которые они в состоянии нам доставить, то окажется, что и эти показания не в пользу положительного решения вопроса о принадлежности Танаиса Боспорской державе в III—II вв. до н. э. Правда, в Танаис в это время довольно в большом количестве проникают некоторые боспорские изделия вроде золотых или серебряных украшений, зеркал и т. п. Но следует отметить, что боспорские изделия этого рода очень интенсивно поступали и в причерноморские степи, к племенам, явно не находившимся ни в какой политической зависимости от Боспора. Наоборот, те категории боспорских изделий, наличие которых составляет характерную особенность собственно боспорских поселений и городищ, почти полностью отсутствуют в Танаисе или представлены незначительным числом фрагментов. Особенно показательно то, что в танаисских керамических материалах III—I вв. очень плохо представлены амфоры и простая керамика боспорского производства, почти совсем отсутствует в Танаисе и пантикапейская черепица. В этом отношении допелемоновский Танаис резко отличается от города первых веков н. э., когда боспорские амфоры и другая посуда занимают очень большое место среди керамического материала.

Рассмотрение всех находящихся в нашем распоряжении источников, письменных и археологических, приводит нас к выводу, что в первые века своего существования Танаис был независим по отношению к Боспорскому царству. Эта независимость установилась, видимо, сразу после основания города и сохранялась едва ли не до времени Полемона. Во всяком случае, у нас нет никаких данных о переходе города под власть Боспора до этого времени. Последние Спартокиды вряд ли были в состоянии овладеть новым районом и подчинить себе Танаис. Иное дело Митридат Евпатор или его ближайшие преемники. Эти боспорские цари обладали достаточными силами, чтобы иметь возможность подчинить себе весь район Нижнего Дона, и, в частности, Танаис. Не было бы ничего удивительного в том, что Митридат, Фарнак или Асандр наложили руку на независимый до того город или что Танаис сам отдался под власть или опеку этих сильных боспорских правителей. Однако отсутствие в наших источниках, довольно подробно освещающих историю Боспора I в. до н. э., каких бы то ни было намеков на присоединение Танаиса позволяет как будто бы думать, что город вошел в состав Боспора только после военной акции Полемона. С другой стороны, от Полемона при его положении на Боспоре, кажется, скорее можно было бы ожидать экспедиции против города, входившего ранее в состав его державы, но отказавшегося ему повиноваться, чем завоевательного похода в совсем чужие и независимые до того области. Таким образом, мы пока не можем определить, входил ли Танаис в состав Боспорского государства еще до Полемона или нет, и должны ограничиться лишь констатацией его присоединения к Боспору в течение I в. до н. э.

Признание того факта, что эллинистический Танаис не входил во владения Боспора, имеет большое значение не только для истории Танаиса, но и для истории Боспорского государства и всего Северного Причерноморья, политическая карта которого оказывается несколько иной, чем ее принято представлять обычно: владения Спартокидов не распространялись на дельту Дона и на северную часть восточного побережья Азовского моря, а ограничивались на севере территорией каких-то из приазовских племен, возможно, в районе Кирпилей, где существовала целая система укрепленных городищ («реданты»).

То обстоятельство, что Танаис довольно поздно вошел в состав Боспорского государства, может быть, в какой-то мере объясняет некоторые особенности его развития. Это относится прежде всего к его положению внут-

ри Боспорского царства в первые века н. э. Известно, что система управления Танаисом со стороны боспорского царя была необычной для государства в целом, что она учитывала некоторые местные формы политической жизни, сложившиеся, по-видимому, до присоединения города к Боспору. С другой стороны, установление факта независимости Танаиса по отношению к Боспору облегчает понимание таких явлений, как полное отсутствие в Танаисе в III—I вв. до н. э. греческих надписей, весьма характерных для городов Боспорского царства, и, главное, почти полное отсутствие на Недвиговском городище боспорских монет этого времени, тем более загадочное, что торговля в это время в Танаисе процветала³⁴.

Автономная пантикапейская и фанагорийская медная и серебряная монета чеканилась в III—I вв. до н. э. в огромных количествах и была распространена, как известно, на территории всего Боспорского царства. В каждом боспорском поселении, даже самом небольшом, существовавшем в эпоху позднего эллинизма, обязательно встречаются при раскопках боспорские монеты этого времени. Но за пределы боспорской территории эти монеты почти совершенно не выходили³⁵. И практическое отсутствие денежного обращения в допалеонтологическом Танаисе, которое вообще трудно себе представить по отношению к античному городу, даже очень варваризованному, становится уже совершенно необъяснимым, если предполагать, что этот город принадлежал Боспорскому государству и входил в сферу развитого денежного обращения Боспора.

Как уже говорилось, мы знаем от Страбона о подчинении Танаису каких-то меотских племен восточного Приазовья, тогда как другая часть меотов подчинялась Спартокидам. Какие именно племена входили в сферу влияния Танаиса, неизвестно. Вероятно, это были меоты, обитавшие в ближайшей к Дону части азовского побережья, за пределами очерченных выше границ Боспорского царства в этом районе. Видимо, об этих племенах древний географ в другом месте своего труда говорит, что они хотя и занимаются земледелием, но дикостью и воинственностью не уступают кочевникам (... γεωργοὶ μὲν, οὐχ ἴττον δὲ τῶν νομάδων πολεμισταὶ διέκρηται δὲ εἰς εὐνήν πλείω, τὰ μὲν πλείον τοῦ Τανάϊδος ἀγριώτερα, τὰ δὲ συνάπτοντα τῷ Βοσπόρῳ χειροίτη μᾶλλον)³⁶. Археологически эти племена еще нам неизвестны. Повторные попытки археологических поисков в северной части восточного Приазовья, предпринимавшиеся в последние годы И. С. Каменецким, не привели пока к открытию сколько-нибудь значительных остатков поселений античного времени в этом районе. Поэтому мы располагаем никакими данными об этих племенах кроме приведенной характеристики Страбона.

Впрочем, власть Танаиса над частью приазовского побережья не была прочной. Сам Страбон, говоря об этой власти, тут же сообщает о том, что иногда приазовские меоты выходили из подчинения Танаису, а иногда подпадали под власть боспорских царей, «особенно последних — Фарнака, Асандра и Полемона»³⁷. Из слов Страбона как будто бы следует, что Боспор и Танаис выступали в восточном Приазовье как две соперничающие силы, каждая из которых имела свою сферу влияния и стремилась ее расширить за счет чужой. В несколько иной плоскости тезис о соперничестве Боспора и Танаиса иногда выдвигается некоторыми современными

³⁴ См. Д. В. Шелов, Денежный рынок Танаиса, ЗОАО, 1 (34), 1960, стр. 133 слл.; он же, Монеты из раскопок Танаиса, стр. 62 слл.

³⁵ Д. В. Шелов, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, стр. 199 сл.; он же, Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э., НЭ, V, 1965, стр. 35 слл.

³⁶ S t r a b o, XI, 2, 4

³⁷ S t r a b o, XI, 2, 11.

исследователями, полагающими, что Танаис мог в какой-то мере конкурировать с Боспором в области торговой деятельности. Вряд ли, однако, можно думать о каком-то серьезном соперничестве между Боспором и Танаисом в какой бы то ни было области. Силы были слишком неравны. Признание политической самостоятельности Танаиса в III—I вв. до н. э. не должно приводить нас к гипертрофированной оценке его экономического и политического потенциала. В отношении торговли Танаис должен был находиться в прямой зависимости от Боспора, поскольку через Керченский пролив и его порты проходил главный путь, связывавший Танаис с античным миром, и доброжелательная позиция боспорских властей была в высшей степени необходима для бесперебойного осуществления танаисской торговли. Правда и боспорские правители несомненно были заинтересованы в развитии этой торговли, вероятно, не только ради сбыта боспорских товаров через танаисский рынок (мы видели, что в эллинистическое время боспорский ввоз в Танаис был относительно невелик), но и потому, что танаисская торговля должна была приносить значительные доходы боспорским купцам-посредникам и боспорскому фиску, последнему — в виде пошлин, гаванного сбора и т. д. И все же Танаис, конечно, в очень большой степени зависел от торговой политики боспорских правителей и являться каким-либо серьезным конкурентом Боспору в этой области не мог. Что касается борьбы за преобладание в восточном Приазовье, то такая борьба между Боспорским царством и Танаисом вряд ли была возможна ввиду слишком большой разницы в их военно-политическом потенциале. Можно предполагать, что то положение неустойчивого равновесия, которое сложилось, судя по словам Страбона, в этом районе, зависело не столько от сил Боспора или Танаиса, сколько от позиции племен, населявших это побережье. Разумеется, все эти соображения, основанные на сопоставлении краткой информации Страбона с известными нам общесторическими данными, имеют предварительный характер и требуют для своего подтверждения дальнейшего накопления материала.

BOSPORUS AND TANAÏS IN THE THIRD TO THE FIRST CENTURIES B. C.

by *D. B. Shelov*

The opinion is rather firmly established in the modern literature that the city of Tanaïis was from its very origin a part of the Spartocid Bosporan realm, though from time to time it made attempts to end its subjection to the Bosporan kings. One such attempt ended with the sacking of the city by Polemon. A study of the passages in Strabo (XI, 2, 3; 2, 11) on which this idea is based shows that they provide no grounds for asserting that Tanaïis was subject to the Spartocids. On the contrary, certain remarks made by the ancient geographer (XI, 2, 11; VII, 4, 4) permit the conclusion that the whole northeastern part of the Azov seacoast and the lower Don, including Tanaïis, remained outside the territory under Spartocid rule. The same conclusion is suggested by analysis of the title-formulas of the Bosporan kings as they appear in inscriptions. It seems probable that Tanaïis was subjected to the authority of the Bosporan kings only in the first century B. C. The comparatively late date at which Tanaïis became part of the Bosporan kingdom may be of some help in explaining certain aspects of the city's development in the third to the first centuries B. C. and its special position in the Bosporan administrative system during the first centuries of our era.

С. Т. Еремян
СТРАНА «МАХЕЛОНИЯ»
НАДПИСИ КААБА-И-ЗАРДУШТ*

Встречаясь с названиями различных местностей и племен в отдаленных от Греции странах, древние греки склонны были связывать их с отраженными в мифах славными делами своих далеких предков и потому истолковывали их по созвучию с хорошо знакомыми им греческими названиями. Поэтому в античной литературе негреческие географические и этнические названия фиксировались в грецизированной форме и, оформленные таким путем, закреплялись затем за определенными местностями или народами и переносились из одной эпохи в другую в силу создавшейся литературной традиции. «Только лишь в связи с мифами об амазонках и аргонавтах в Средиземноморье возникли или были соответственно перетолкованы многие сотни географических наименований»¹. К этой категории названий относится и загадочное название страны «Махелония», зафиксированное в греческой версии большой трехязычной надписи (на парфянском, персидском и греческом языках). Надпись эта была открыта в 1936 и 1939 гг. на стенах здания, называемого Кааба-и-Зардушт, в ущелье Накш-и-Рустем, и принадлежит сасанидскому царю Шапуру I (242—272); в ней перечисляются страны Закавказья в следующей последовательности:

'tr pt(k)n	'Αδορβαδηνή	— Атропатена
'rny	'Αρμενία	— Армения
wyršn	'Ιβηρία	— Иберия
sykn	Μαχελονία	— Махелония
'rdn	'Αλβανία	— Албания
bl'skn	[Κασπιανή?]	— Баласаган

В греческой версии в этой части надписи сткк. 2—3 читаются следующим образом: 'Αδορβαδηνή, 'Αρμενίαν, 'Ιβηρίαν, Μαχελονίαν, 'Αλβανίαν, [Κασπιανή]² [ἕως ἔμπροσθεν] Καπ ὄρους καὶ 'Αλανῶν [πυλῶν]³. «Атропатену, Армению, Иберию, Махелонию, Албанию, [страну, вплоть до] Кап-коха (Кавказских гор) и Аланских [ворот]»⁴.

* Настоящий доклад прочитан на конференции по изучению проблем античности (Ленинград, 1964).

¹ Л. А. Е ль н и ц к и й. Знания древних о северных странах, М., 1961, стр. 5.

² В греческой версии недостает bl'skn парфянской версии, исходя из которой мы делаем наши восстановления в квадратных скобках; эквивалент Balasakan'a у классических авторов — Kaspianae.

³ E. H o p i g m a n n et A. M a r i c q, Recherches sur les Res Gestae Divi Saporis, Bruxelles, 1953, стр. 11.

⁴ См. К. В. Т р е в е р, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.—Л., 1959, стр. 135.